

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталья Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:

*Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гизин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemanmag@gmail.com

Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова
Стильредактор: О. В. Козлова

Подписано в печать 06.09.2024. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,06. Тираж 545. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/б1, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2024
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2024
© УП «Мастацкая літаратура», 2024

Федор КОНЕВ

БЛАГОЙ ПОРЫВ

Роман¹

Без теории относительности Эйнштейна человечество обходилось тысячами и еще протянуло бы столько же, но без разрешения той проблемы, о которой думал Игорь, дальнейшая жизнь людей становилась весьма проблематичной. Можно при желании как угодно окрестить то, что собирался создать Игорь — теорией, доктриной или формулой, — название не имеет равным счетом никакого значения. Главное — суть.

Люди на Земле не уничтожат сами себя только при одном условии: если между ними будет согласие. Но вопрос заключается в том, как этого согласия добиться. И если Игорь найдет решение — как, с чистой совестью ему можно будет поставить памятник. Ну, хотя бы бюст во дворе школы, в которой учился. Пусть ученики берут пример.

В мире много зла. Значит, с ним нужно бороться? Но всякая борьба порождает еще большее зло. Не сопротивляться ему, как учил Толстой? Так ведь зло совести не имеет, не утихомирится — только пуще разгуляется. И где же выход? И чтоб найти его, Игорь должен изучить зло во всех его проявлениях, особенно в отношении того, что его порождает и почему оно так живуче. На это может уйти вся жизнь. И этого Игорь не боится.

В присущей ему пылкой манере парень толковал об этом Вале по дороге на работу. И вроде этот большой ребенок со своими детскими фантазиями практичной Вале должен был казаться потешным — и только, а она только улыбалась и понимала: не будет у нее жизни без Игоря.

В кабинете он сказал ей:

— Надо предупредить шефа.

Тут же поднялся и направился к главному редактору.

— Арсений Фомич, — сразу приступил к делу, поздоровавшись. — Я все-таки решил написать очерк о Колыханове.

— И зачем это тебе надо?

Не мог же Игорь сказать, что статья тут сбоку припеку, а хочется ему узнать, отчего разладилась когда-то между Анной и Арсением любовь. При этом Игорь разрешает не частный случай, а нечто глобальное, всечеловеческое.

¹ Окончание. Начало в № 7, 8 за 2024 г.

Людмила ВОРОНОВА

ВЛЮБЛЕННАЯ В ОСЕНЬ...

МИНСКУ

Раскрыв объяття старых площадей,
Завив кудряшки кленов на бульварах,
Встречает Минск обилие гостей
Улыбкой и радушием вокзалов.

Впитав в себя и запад, и восток,
Приветствует людей любых конфессий.
Наш хрупкий мир! Как слаб он и жесток!
И только здесь спокойно, в поднебесье.

Столица мирной, молодой страны
Цветет на радость нам и всем живущим.
В ней все национальности равны
И всем друзьям мы — братья-белорусы.

Цвети всегда, мой вечно юный Минск!
Как ты красив в любую пору года!
Ты как артист, которому на бис
Дождями аплодирует природа.

ВЛЮБЛЕННАЯ В ОСЕНЬ

Влюбленная в осень, вставала с рассветом,
Бродила по лесу в холодной росе.
И не было девы счастливее этой,
Но счастье ее понимали не все.

Она рисовала такие пейзажи,
Что если взглядеться, то холст оживал.
Туман превращался в пух белый, лебяжий,
И нежно в лесах тишину обнимал.

Михаил ПОЗДНЯКОВ

ЖИЗНЬ — ДОРОГА

Цикл эссе

НА УТРЕННЮЮ ПРОГУЛКУ

Сделав физзарядку, умывшись и позавтракав на веранде, вместе с моей четырехлапой подружкой Норой отправляемся на утреннюю прогулку в лес. Удивляюсь, откуда у меня такое органичное чувство наслаждения лесом. И вспоминаю своего философа-папу. В годы моего раннего детства он работал лесником. И, конечно же, часто брал нас, своих сыновей, с собой. Папин лес всегда был ухожен, чист и красив. Без бурелома, валежника, всевозможного мусора. Стараниями его трудолюбивых рук, уважительного отношения к своим обязанностям и особенной любви к лесу в нем было действительно всегда убрано, просторно, празднично. Этого я своим детским умом не понимал, да и не мог понять, конечно. Но теперь, посещая наши леса, нередко труднопроходимые из-за бурелома, хвороста, упавших деревьев и сплетенных кустарников, вспоминая тот наш лес, в котором трудились на совесть, я благодарно и восторженно вспоминаю папу. Каждый раз мы убирали упавшие ветви, деревья, сносили на поляну или на ближайшую опушку, где потом отец под строгим надзором мелкое сжигал. Крупное же складывал на дрова. Работать в лесу с ним было непросто, ведь я тогда не понимал и не мог понять своим детским умом, что он не только приобщает меня к труду, а закладывает в душу нечто большое, красивое, вечное. И трудолюбие, и постижение красоты, и ощущение величия природы, созданной по высоким, пожалуй, еще неизвестным для нас законам. Папа не заставлял работать, а привлекал к своим обязанностям, чем не вызывал в детской душе отторжения. Устал — сиди у дерева, слушай его голос, впитывай музыку леса, который к тому же нас кормит и согревает. О, папа в душе был поэтом, философом в высоком смысле этого слова. Умел подсвистывать птицам, да так, что те отзывались, а нередко и слетались на его поистине художественный, живой птичий свист. Он понимал и слышал каждое дерево и чувствовал душу каждого из них.

«Приложи ухо к этой могучей ели, сынок, — обращался он ко мне, ребенку, — послушай, о чем грустит она. Может, потому, что осыпались ее зрелые шишки или из-за того, что приболела вот эта елочка, ее внучка?» Я прикладывал ухо к мощному смолистому стволу, и мне чудилось, что дерево что-то шепчет в

ответ... А папа начинал колдовать под елочкой, бинтовать ее рану. Затем подвел к стройной березке. «Посмотри, какая она красивая, в белом нарядном сарафане, тянется к небу, к солнцу. Послушай, как нежно поет она. Слышишь? Она радуется красоте, жизни. Просит: не лезь на меня, не ломай мои веточки, они — мои деточки. А посмотри, что она подарила нам!» И папа срезал ножом красивый гриб, клал его в мою корзинку. «Это — подберезовик, — продолжал он. — А вот, подивись на лиловое чудо. Это лесные колокольчики. Послушай их тихий голосок, о чем они говорят нам?» И тут папа начинал рассказывать мне сказку о волшебном цветке, который в конце повествования превращался в прелестную девушку... Потом как бы итожил: «Видишь, здесь все создано для радости, для добра. И ты помни об этом и будь заботливым, внимательным и добрым. В этом — счастье...» Часто он пел в лесу, и тогда в душе моей происходило что-то невероятное, чего я не мог ни понять, ни объяснить. А это в нее перетекала, вселялась таинственная прелесть леса, красоты, сила жизни, доброты, человечности, счастья. Спасибо тебе, мой папа! За твои чудесные, живые уроки, самые важные, самые простые, самые действенные, самые правильные!

А мы с Норой, которая тоже любит лес всем своим чутким собачьим сердцем, идем лесной дорогой и сливаемся с этой величественной, благодатной, таинственной природной красотой... Такой яркой и многогранной, чистой и чуткой, которую невозможно во всех нюансах и красках передать обычными словами, нашим человеческим языком. Поэтому мы пойдем молча, распахнув свои души этому великолепию...

БОГ

Есть ли на свете Бог? У каждого, вероятно, свой ответ на этот непростой вопрос, а возможно, и для кого-то совсем простой.

Не знаю, какой Он, кто Он, откуда Он, где Он, но не сомневаюсь, что существует какая-то святая сила или энергия... В своей жизни я это ощущал не единожды, хотя не всегда, особенно ранее, понимал, осознавал Его волю и присутствие.

Родился я и рос в семье верующего, рассудительного человека. Отец, участник освободительного похода на Западную Беларусь в 1939 году, Советско-финляндской войны 1940 года и Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, после огромных испытаний пришел к Богу. Точно не знаю, как это с ним произошло, так как в наши советские атеистические годы подобное не приветствовалось и считалось даже отрицательным пережитком прошлого. Но, насколько помню с моих детских лет, отец в большие православные праздники посещал церковь, которая находилась далековато от нашей деревни, почти рядом с районным городом Быхов, в деревне Мокрое. В доме он во всем придерживался Божьих заповедей, всегда перед тем, как сесть за обеденный стол, читал молитву, крестился. В обеих комнатах нашей хаты в углах висели иконы. Молился отец также утром после сна и вечером перед сном. Безусловно, нас, детей своих, обязательно крестил в церкви. Помню, и как батюшка освящал наш новый дом, построенный рядом со старым. Запомнилось, как мы всей семьей принимали участие, целовали икону, подносимую батюшкой.

Молиться нас отец не заставлял, но креститься учил. Не усердствовал в этом, уважая позицию государства, школы.

Светлана БРЕУС

ГДЕ ЖУРАВЛЬ НАД КОЛОДЦЕМ СУТУЛИТСЯ...

РОМАШКОВОЕ МОРЕ

Как хочется мне сделать шаг назад,
Туда вернуться, где гуляла юность,
В тот в белое одетый вешний сад,
Чтоб эхом прокатилось: «Я вернулась...»

Мне только бы взглянуть одним глазком
На белый сад сквозь щелочку в заборе.
За садом — пруд, заросший ивняком,
А дальше — луг — ромашковое море.

Мне б в это море ноги окунуть,
Сплести венок из васильков с ромашкой,
В душистых травах детским сном уснуть,
Укрыв себя ромашковой рубашкой.

Посплю — и наберусь душевных сил,
И залечу росой целебной раны.
Как этот сон о юности мне мил,
Как дороги волшебные обманы.

Так хочется мне сделать шаг назад,
Туда вернуться, где кипела юность.
И снится мне весь в белом вешний сад,
И снится мне, что я туда вернулась.

МАМИН ГРЕБЕШОК

Я не смирилась с тем, что мамы нет,
И эту правду сердцем отвергаю.

Елена ПОПОВА

СОБИРАЛИСЬ НА ЧАЙ

Повесть

ДЕНЬ СТАНИ

Станислава Рысакевич-Домодедова-Ганнибал проснулась поздно, часов в девять. Муж ушел давно, она и не слышала как. Дочь вроде и вовсе не приходила. Она не делала из этого драму: они были подружки. Если и принесет в подоле, так что ж, будут растить. Ужасы с пеленками давно завершились — памперсы, кенгуру, все гораздо проще. Вырастет человек.

Она не спеша прошла на кухню и сварила кофе, налила в любимую свою чашку.

Свою фамилию, точнее, фамилию мужа — Рысакевич, она не любила, поэтому добавляла Домодедова, фамилию отца... Но и ее не очень. Откуда появилось приложение — Ганнибал? Это не имело отношения ни к полководцу древнего мира, ни к предкам Пушкина, просто бывали времена смутные и путанные: кто-то скрывал свои настоящие имена, а кто-то присваивал чужие. Понравилась кому-то из предков по отцовской линии эта самая фамилия — Ганнибал, вот и осталась, вот и присвоил. А потом уже легенды, мифы, Древняя Греция... Это уже просто, все зависит от фантазии.

Станислава Рысакевич-Домодедова-Ганнибал добавляла эти придаточные, только когда особенно не любила свою первую фамилию, накапливая маленькие обиды против мужа, или просто хотела произвести впечатление. Не то чтобы она была так уж тщеславна... Впрочем, как все... Чужую историю присваивают себе целые страны, не то что люди... И она была снисходительна. И к себе, и к другим.

Итак, было лето. Итак, было утро. Годы давно переходного периода, смутного и немного угрожающего. И мадам Рысакевич-Домодедова-Ганнибал давно уже решила прожить часть отведенного ей времени, смутного и угрожающего, для себя.

Однажды ее укусил клещ, на даче, на берегу вполне благоустроенного водоема. Вначале она даже и не разобралась, что к чему, пока не обнаружила расходящиеся от крошечной ранки розовые мистические круги. Потом запылали ноги и левая грудь... Температура, голова, короче, все-все-все... Месяц она пила тяжелые лекарства и еще долго потом испытывала слабость в ногах, но

дело даже не в этом — главное она поняла: земля, ее родная планета, страна, ее родина, ее чудный летний пейзаж — реки, озера, луга и травы — тоже не безопасны... И она приготовилось ко всему...

Она пила кофе из любимой, самой красивой чашки. Не беда, если разобьется. Она купит новую. Да. Так уже было. Одна любимая чашка следовала за другой любимой чашкой... Жизнь изменчива и преходяща — не надо ни к чему привязываться, особенно к вещам. Да и к людям особенно не стоит... Все они временны друг для друга.

На пенсию она вышла на несколько лет раньше срока. И ничуть не жалела об этом. Муж любил и умел работать, он и работал. Пусть каждый следует своим склонностям, если эти склонности не мешают другим.

Рысакевич-Ганнибал пила кофе и думала о своей дочери, которая не пришла ночевать... Нет, она не волновалась за нее. Та — взрослый человек, и ей самой решать, где ночевать. Два года встречалась с одним парнем, они даже снимали квартиру. Программист, внешности невпечатляющей, но вполне, да, вполне. Молчаливый, как многие программисты, и всегда какой-то нахмуренный. Дочь же — веселая хохотушка, но, наверное, в нем она нашла те качества, которых не хватало ей. К родителям его почти и не приводила, так что они не сблизилась. И когда программист исчез, мать, Станислава Рысакевич-Ганнибал, этого не почувствовала.

Дочь притащила две сумки с вещами и опять обосновалась в своей комнате. Мать стала задавать ей вполне обычные вопросы — что, как, почему, — на что та только махнула наманикюренной лапкой и протянула:

— А-ай!..

Это и был исчерпывающий ответ. На этом все и закончилось.

Какое-то время дочь хандрила, ела много сладкого и набрала пару лишних килограмм, но потом все завертелось снова. Поздние возвращения, или утренние возвращения, или возвращения через два дня... Мать ни о чем не спрашивала, в душу не лезла, а главное, ничему не учила. Чему ей было учить дочь, если на одном ее веку столько всего смешалось и было таким разным? Что начиналось хорошо, часто плохо заканчивалось. И наоборот. Когда-то ее мать хотела, чтобы она вышла замуж. Все матери этого хотели. Ну, вышли... и она, и ее подруги... А потом очень многие развелись, а бывало, и по второму разу. Зачем тогда все эти белые платья, шампанское, цветы, ликования?

С другой стороны — а почему нет... Почему нет... Почему нет? Ведь жизнь — это не результат, жизнь — это процесс. В этом процессе и есть ее захватывающий смысл... От одного к другому, от ошибки к исправлению, а потом к новой ошибке...

Она не хотела ошибаться, она уже не ошибалась. Второго развода не было. Но дочь не учила жить, разве что говорила время от времени: «Думай, моя дорогая, думай, тебе под тридцать». И дальше продолжала уже про себя: «Да, тебе, моя девочка, под тридцать. Ты не железная леди, ты не бизнесвумен, как учат тебя реклама и бесконечные твои любимые сериалы, спустись на землю. Ты средней воли, средней энергии, у тебя не получится сделать карьеру, много зарабатывать, подчинять себе других и удовлетворять свои прихоти. С другой стороны, ты достаточно обычная, не урод, но и не первая красавица, богатой содержанки из тебя тоже не выйдет. Думай, моя милая. Тебе под тридцать. Ищи свое место, свою норку, укрытие, крышу над головой в этом беспокойном мире...»

Она включила телевизор — горели леса, все поглощающая, стлался дым, а в других местах планеты наводнения

захлестывали улицы, где-то шла война... Что-то обсуждали синоптики, странная больная девочка истерично и немного тупо призывала мир к спасению. Но вокруг Рысакевич-Ганнибал, здесь и сейчас, стояла приятная комфортная погода. Она вышла на балкон и из маленькой лейки полила цветы — пышные, разноцветные петунии, в подвесных вазонах. Всю эту роскошь она завела, когда они продали дачу. Нет, дачу она не любила. Дача отнимала слишком много сил даже в своем самом благоустроенном виде. А она досталась еще из прошлых веков от родителей мужа и не была благоустроена. Хоть и в два этажа, и с близкой водой. Земля — это земля. На ней надо трудиться, даже если приходится только косить траву и разводить цветы.

Станислава достала блокнот и посмотрела список дел, который всегда составляла заранее. Он был довольно длинный, но выполнять его весь было совершенно не обязательно. Как получится.

Вот, к примеру, течет кран на кухне... Положим, не течет, так, умеренно капает. Вызывать сантехника, ждать его, ждать, когда он поменяет прокладку, совершенно не хотелось. С этим можно и подождать. Дальше... Заглянуть в маленькое ателье на углу, узнать, можно ли перешить юбку и сколько это будет стоить. Короче, есть ли смысл... Или просто выбросить ее, эту юбку к чертям, подумаешь, материя... Замечательная, вообще-то... каких уже нет... И это делать сегодня тоже не хотелось.

Вчера вечером она посмотрела на небо и заметила в просвете между домами растущую луну. Это хорошее время — растущая луна.

Станя, как звали ее близкие, отложила список и решила просто съездить к своей давней подруге, с которой не виделась уже больше года, с похорон ее мужа... все собиралась и все откладывала. Она, конечно, была на похоронах, хотя этот ритуал не любила и избегала его как только могла. Но тут — подруга. Надо было идти...

Был он совсем не старый, бодрый человек. Любил гостей, любил готовить шашлык на костре, который разводил на своем дачном участке в специальном для этого месте, за гаражом. Любил пошутить, пошутиться, поматериться, на даче особенно громко: участок был сдвоенный, соседи далеко. Да, орал будь здоров.

Как-то подруга сказала, что муж в больнице, а меньше чем через неделю уже позвала на похороны.

Сначала было отпевание, долгое и томительное. Почему отпевание? Ей так и не объяснили. Покойный не был верующим. Девушка с каким-то генетическим заболеванием — такие бывают при церкви, — с оплывшим лицом и узкими прорезями глаз, с большим животом толстого ребенка, все совала ей в руку горящую свечу и обливала воском. Она была так навязчива, что Станя еле сдерживала себя, чтобы ее просто-напросто не оттолкнуть. Потом все поехали на кладбище, не самое дальнее: семья была состоятельная и могла позволить себе что-нибудь поближе к перенаселенному городу. Ведь чем больше живых: тем больше может быть мертвых. Ехали на нескольких автобусах — он был работником не малого ранга. Подруга взяла Станю к себе в машину, машин тоже было много.

На кладбище вся эта пышность как-то сдулась. Бескрайние ряды могил всех обезличивают и, чтобы не поддаться их монотонной, все поглощающей кладбищенской зовущей энергии, все остальное произошло быстро: закопали, засыпали землей, насыщенной песком — кто-то сказал, мол, хорошо, что много песка, сухо, хорошо будет покойному... сверху уже венками-цвете-

тами... И побежали торопливо к автобусам, к машинам, поехали в заказанный ресторан — запивать и заедать печаль. А в голове все недавнее песнопение — «Со святыми упокой»!

Где? Где эти святые? Какие святые? Кто их видел?

Коричневая щепочка под стеклом — кусочек «святой» плоти. С ним и упокой.

Первая рюмка, вторая... Примирение с законом жизни.

Подруга рыдала.

Все бы ничего, но Станю попросила остаться ночевать. Сын уехал в срочную командировку, у дочери — болел ребенок.

На поминках подруга все время плакала и ничего не пила, зато уже дома залпом выпила полстакана коньяка и сразу осоловела, как-то расслабилась. Станя не захотела с ней спать в спальне на мужниной кровати, подруга постелила ей в гостиной на большом кожаном диване.

У Стани всегда было обостренное обоняние. Так, она всегда знала: когда брат приходит пьяный, даже если жевал что-то, чтобы перебить запах, проскакивал мимо к себе. Мать не чувствовала, а Станя чувствовала. Но изменить хоть что-то, как всегда, не могла. Брат стал классическим алкоголиком и не дожил до пятидесяти, несмотря на неплохую жену и двоих детей. О! Какой это был ужасный день, когда ей позвонили... Он упал прямо на улице... И почти тут же из-за погоды или какой-то аварии у них во всем районе отключили свет... Телефон тоже не работал. И она металась в темноте всю ночь, не зная, что делать и куда бежать...

Станя лежала на кожаном диване и из-за сильного запаха кожи не могла спать. Когда-то это животное, это живое существо, на коже которого она спала, ходило по полям на солнышке и мечтательно жевало травку. И все у него было хорошо. Здесь и сейчас. А потом оно, это существо, стало обивкой на диване. И сегодня на нем спит Рысакевич-Ганнибал после похорон мужа своей подруги.

К запаху кожи примешивался запах каких-то химикатов, наверное, подруга выводила пятна... Где-то через час пришла и она сама с двумя пуховыми одеялами и улеглась на полу, на ковре. Долго еще ворочались, вздыхали, подруга даже постанывала, наконец заснули. Но ровно в шесть подруга ее разбудила:

— Станя, вставай! Я такси вызвала!

— Рано,— пробормотала Станя, с трудом открывая глаза.

— Вставай, вставай, поедем!

— Ку-да?!

— На кладбище. Мишу будить.

— Ты с ума сошла?

— В нашем роду так принято, в тех местах, откуда отец. Когда папа умер, бабушка одна ездила его будить.

— Он же умер...

— Так принято. На другой день будить покойного. — И она сунула ей в руку чашку с кофе. — Выпей глоток. Машина уже внизу.

На кладбище было неуютно. В пустоте гулял ветер и вроде бы даже завывал. Знобило. Над могилой высился холм из венков и цветов, полностью ее закрывая. Подруга достала маленькую бутылочку коньяка, кусок батона и три рюмки. Одну рюмку поставила на землю у подножия холмика, вторую дала Стане, третью оставила себе. Разлила коньяк.

— Давай! — приказала Стане, а потом голос ее сжался, съезжился, сказала как-то жалобно: — Просыпайся, Миша! С новой жизнью тебя! — и выпила коньяк, отломив кусок батона.

Ирина ЗАХАРОВА

НОЧЬ СВЕТЛА...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Переменная облачность. Все перемененно.
На веранде страдает сырое белье.
Осязаю дыханье грозы внутривенно.
А еще осязаю дыханье твое.

И от сырости этой прогнили веревки.
И усталые веки, и сон отсырел...
Высыхает быстрее всего мелочевка,
А добротные вещи — всегда не у дел.

Беспризорные тучи не бог весть откуда,
Распоясавшись, в душу вонзили клинок.
И сорвалось дыханье небес полногрудых,
Устремив на меня ледяной кровоток.

Переменное все, а дыханье — подавно.
И твое, и мое, и вот этих небес,
На которых, как крест из земли православной,
Кровоточит рубец и мерцает эфес.

И промокла душа без того уж сырая,
И халатик насквозь, и сырое белье.
Пусть и брови нахмурила ночь грозовая,
Я предчувствую кожей дыханье твое.

* * *

Распорет мгла ночные вены,
И над изломанным листком
Слова зависнут. Сжаты нервы.
Как-будто молот над виском.

Андрей ДОРОЖКИН

ЧЕРНОВИКИ ЖАРКОГО УТРА

Рассказ

На улице жара, +38...
Меня трясет, как лист осины на ветру...
И каждый день длиною в осень:
Я скоро пожелтею, высохну, умру...

Леня медленно, по слогам, перечитал только что написанные им строки, выругался, смял лист и швырнул его в дальний угол комнаты. Потом несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, а после, немного закашлявшись, взял дрожащими руками чистый клочок бумаги и карандаш.

Тихо поет канарейка
Или плачет этой ночью глухой?
Унеси меня за собой,
Неба, звезд и луны чародейка!

Внутренний критик был непреклонен: «Это тоже уничтожить». Что ж... Привычным движением, с точностью профессионального баскетболиста, Леня отправил в утиль и этот комочек.

— И вот ради чего?! Ради этих восьми строк, ради этого незатейливого полупьяного бреда я решил встать ни свет ни заря? Идиот! По-другому и не скажешь... И-ди-от. Кому сейчас нужна осень, тоска и напоминания о неизбежном? Тем более посреди лета?! Только мне самому. Да еще эта канарейка. Который день я бормочу эти строки... Почему именно канарейка? Что ее расстроило до слез? О чем она поет? Поют ли вообще канарейки по ночам? Канарейка, скамейка, грош и копейка...

Этот полный вопросов монолог был правдой лишь отчасти.

Действительно, старый будильник глухо щелкнул, показав 4:45 утра, а затем продолжил лениво шевелить старыми тонкими стрелками, которые при тусклом свете лампочки на 40 ватт напоминали незадачливому молодому лирику усики большого жука-пожарника...

А вот уснуть этой ночью Леня так и не смог: бессонница грозилась стать постоянной гостьей в крошечной съемной квартирке. Поводов для этого было

несколько, и понять, что именно является причиной, а что — следствием, для самого Лени представлялось почти невозможным. И все же он задумался.

* * *

Во-первых, ему казалось, что вместе с каплями холодного пота, проступившими на лбу, его покидали остатки вдохновения. При этом тексты — и в стихах, и в прозе — выходили из-под Лениной руки исправно. Вот только весь творческий процесс был сродни конвейеру: почти со стопроцентной уверенностью мог сказать, какие тексты и на какие темы соберут несколько «сердечек» на его страницах в социальных сетях. Поэтому на поток были поставлены стихи о любви и янтарных закатах, о капельках росы на траве поутру и свежести городского воздуха после летней грозы; один за другим появлялись рассказы о красоте местной природы, вечной дружбе, о мире во всем мире и... снова о любви и янтарных закатах... В глубине души он знал: ему и самому нравились эти темы. В то же самое время мыслями Леня хотел улететь далеко-далеко, прочь от знакомых домов и улочек, чтобы спрятаться в гуще соснового леса или заглянуть в гости к таинственной канарейке.

И все же... С удивительным упорством, практически безвылазно, он продолжал сидеть дома. А что ему оставалось делать? Встреча с небом, облаками и попутным ветром откладывалась на неопределенное время ввиду отсутствия у Лени крыльев и оперения, а полету фантазии мешала очередная затяжная остановка в творческом маршруте: до станции «Вдохновение» он не мог добраться никаким способом.

А может, он и не хотел покидать зону комфорта — удобный красный диван — единственное яркое пятно в серо-синем интерьере старой темной однушки, которую немногочисленные приятели Лени давным-давно прозвали пещерой.

Вместе с тем пристанище одинокого литератора не было лишено некоторого обаяния. Да, именно так: если бы эта квартира в доме на окраине Небольшого Города была человеком, то его можно было бы описать парой вопросов и парой ответов: «Красив? Наверяд ли. Обаятелен? Наверняка!»

Во-вторых, последние две недели на улицах Небольшого Города стояла невыносимая жара. Казалось, что даже по ночам солнце продолжало «работать» и жечь все вокруг. Может быть, оно действительно никуда не пряталось, а с приходом густых, как вареная сгущенка, вечерних сумерек лишь маскировалось под бледно-желтую луну?

— Что там думают себе метеорологи? Они только прогнозируют погоду? Или управляют ею хоть немного? Если изменения температуры воздуха не в их власти, пусть шамана с бубном в штат берут. Дождя бы нам! Может быть, и мне стало бы хоть немного легче.

Жару Леня не переносил с детства: у него появлялись тошнота и легкое головокружение, поэтому в такие дни он старался сидеть дома — окна открыты, занавески задернуты... Полумрак, сквозняк и шорохи разбросанных по полу черновиков — эта комната, со своим едва ощутимым уютом, вполне могла стать площадкой для съемок рядовой американской трагикомедии о буднях человека, который пытается соприкоснуться с чем-то прекрасным и недостижимым. В меру мрачно, в меру романтично...

Валерий ПОЗНЯК

В МОЕЙ
НЕГРОМКОЙ
ПЕСНЕ...

ОДИН НА ХУТОРЕ СТАРИК

Речушка, рощица, родник.
Один на хуторе старик...

Беседы потянулась нить:
— Не хочешь ли кваску испить?
Вот яблоки, им самый срок,
Попробуй, оцени медок,
Держу ведь пчел еще пока.
Так говоришь: издалека...
Нет, что ты, дом не продаю —
Как брошу землю я свою?!
Родился здесь, здесь помирать.
А мир пришлось мне повидать...
Прошел, браток, я всю войну,
Медаль имею не одну...

И затянулся самосадом.
— Конечно, был бы кто-то рядом —
И то отрадней старику.
Поешь, поешь еще медку.
Даст бог, и свидимся... Пстой,
Возьми-ка яблоки с собой.

Речушка, рощица, родник.
Один на хуторе старик...

* * *

Ни города и веси
В моей негромкой песне,
А милая мне с детства сторона,
Где тридцать две избышки

На берегу речушки,
В сирени и в черемухе весна.

Леса, поля без края,
Рожь в поле золотая,
Во ржи синее неба васильки.
И на душе отраднo,
Что так светлы, нарядны
Веселые июльские деньки.

Угаснет неба просинь —
Хозяйкой станет осень.
И так щедры осенние боры!
Знай лишь места грибные,
Пораньше в выходные
Бери грибы и ягоды бери.

Но здесь не все на блюде.
Живут простые люди,
И каждодневный их нелегk труд.
Но не услышишь жалоб,
Один ленивец жалок.
Но здесь ленивцы, к счастью, не живут.

Вот в хлопьях снега ели,
Вот белые метели,
Звенит в мороз крещенский тишина.
Ни города и веси
В моей негромкой песне,
А милая мне с детства сторона.

* * *

Под елочку под Новый год
Я клал с желаньями записку...
Давно уже настал черед
И мне подарки делать близким.

Купил рубаху я отцу,
Шаль голубую выбрал маме, —
Ей этот цвет так был к лицу,
Моей хорошей, нежной самой.

Осталось елочку найти.
Снега — стеною, непогода...
Чуть задержался я в пути.
А как подумаю — на годы!..

Но в отчем доме у реки
Я все же елочку поставлю,
Зажгутся грустно огоньки,
Как грезы, что не станут явью.
И то, о чем я помечтал,
Во мне вдруг отзовется болью:
Непоправимо опоздал
С подарком, с елочкой, с любовью.

«Я хотела Вас спросить об одной вещи...»

Письма Нины Ватаци Павлу Богдановичу

С 1980 по 1990 г. мне посчастливилось работать бок о бок с выдающимся библиографом Ниной Борисовной Ватаци. 1 августа 1980 г. я по распределению пришел в отдел белорусской литературы и библиографии Государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина (сейчас Национальная библиотека Беларуси — Д. Д.), в святая святых этого отдела — книгохранилище. Нина Борисовна устроила мне серьезный экзамен на профпригодность. Суть этого экзамена заключалась в следующем: давался бланк заказа по межбиблиотечному абонементу, пришедший из какой-нибудь областной библиотеки, на нем уже стояло порядка десяти штампов разных библиотек «библиографически не установлено», и надо было найти книгу. Я помню, как сказал: «Тут перевраны и автор, и название». И довольно быстро нашел нужную книгу под аплодисменты Нины Борисовны. После этого она задала еще несколько теоретических вопросов, которые показались мне легкими. Если честно, потом я осознал, что сдать экзамен Нине Борисовне было очень сложно, а получить пятерку и аплодисменты — вообще из области фантастики. Но это было в моей жизни. Отмечу, что те, кто выдерживал ее проверку на профпригодность, становились хорошими специалистами.

Экзаменатором она была очень строгим, но по характеру — мягкий, добрый и отзывчивый человек. Меня всегда поражала ее превосходная память. К Нине Борисовне часто приходили наши писатели и поэты, которые оформляли пенсию, чтобы получить справку о первой публикации. Она моментально записывала на какой-нибудь бумажке название произведения пришедшего автора, название журнала или газеты, год, дату. Только после этого шла в картотеку, чтобы проверить свою память. И я не помню случая, чтобы она ошиблась. А в справке писала не только сведения о первой публикации, но и о первой книге автора.

Незадолго до своей смерти Нина Борисовна рассказала мне, как она пыталась убедить тогдашнюю заведующую отделом Римму Михайловну Чигирёву в том, что больше пользы я принесу на библиографической работе, а не в книгохранилище. Но Римма Михайловна держала это место для другого человека, в котором ошиблась по-крупному.

Бэй Вэньли: «Литература — главный носитель национальной культуры»

Бэй Вэньли — настоящий, искренний друг Беларуси, белорусской культуры. Много лет он возглавляет Центр изучения Беларуси в Восточно-Китайском педагогическом университете в Шанхае. Когда-то работал в Беларуси. И сейчас общается с деятелями культуры и литературы из Минска. Совсем недавно исследователь принял участие в международном круглом столе, посвященном белорусско-китайским гуманитарным и литературным связям. Мы решили поговорить с профессором Бэй Вэньли о некоторых проблемах в развитии белорусско-китайских образовательных, культурных, литературных отношений.

— Господин Бэй Вэньли, как вы оцениваете на сегодняшнем этапе состояние белорусско-китайских гуманитарных и культурных отношений? Что является основополагающим в их развитии?

— Обмены студентами, преподавателями, а значит, взаимопонимание между культурами Китая и Беларуси, происходят не первый год. Вообще, за 32 года, прошедшие с момента установления дипломатических отношений, сотрудничество между двумя странами достигло качественных улучшений и способствовало утверждению всеобъемлющего стратегического партнерства. Сотрудничество в области гуманитарных наук является важной частью двустороннего сотрудничества. Наряду с политическим взаимодоверием и экономической выгодой оно стало краеугольным камнем дружественных отношений между двумя странами.

КОНЕВ Федор Егорович. Родился в 1935 году в селе Мужы Тюменской области (Россия). Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (Москва). Автор книг прозы «Сполохи» и «Снегопад». Участвовал как автор сценариев в создании более двадцати фильмов. Живет в Минске.

ВОРОНОВА Людмила Викторовна. Родилась в 1962 году в деревне Золотеево Зельвенского района Гродненской области. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета, факультет культурологии Республиканского института высшей школы при БГУ. Поэт, прозаик. Автор-исполнитель в жанре авторской песни. Автор ряда сборников стихов и песен. Лауреат республиканских и международных литературных премий и конкурсов. Живет в Минске.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович. Родился в 1951 году в деревне Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, прозаик, публицист. Автор более ста книг для детей и взрослых. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и других республиканских и международных литературных премий и конкурсов. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Председатель Минского городского отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Минске.

БРЕУС Светлана Григорьевна. Родилась в 1948 году в деревне Сосновка Гомельского района в семье учителей. Окончила факультет методики и педагогики начального образования и филологический факультет Могилевского педагогического института. Учитель русского языка и литературы высшей категории. Пишет стихи и прозу. Живет в городском поселке Глуске Могилевской области.

ПОПОВА Елена Георгиевна. Родилась в 1947 году в городе Лягтца (Польша). Училась на факультете журналистики Белорусского государственного университета, окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Драматург, прозаик. Автор множества пьес, поставленных театрами разных стран. Произведения переведены на английский, японский, немецкий, польский, белорусский языки. Победитель Первого Европейского конкурса пьес. Представлена в энциклопедии «2000 выдающихся европейцев XXI столетия». Живет в Минске.

ЗАХАРОВА Ирина Олеговна. Родилась в 1983 году в Минске. Окончила агроинженерный факультет Белорусского государственного аграрного технического университета. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Пишет стихи, прозу, рассказы для детей. Живет в Минске.

ДОРОШКИН Андрей Сергеевич. Родился в 1991 году в деревне Горбовичи Чаусского района Могилевской области. Окончил факультет культурологии и социально-культурной деятельности и магистратуру по специальности «искусствоведение» Белорусского государственного университета культуры и искусств, аспирантуру по специальности «теория и история культуры» Республиканского института высшей школы. Лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Пишет стихи и прозу. Живет в Гродно.

ПОЗНЯК Валерий Евгеньевич. Родился в 1947 году в деревне Папки Дзержинского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор поэтических сборников «Родны бераг», «Цвет залаты цяністай ліпы. Трыялеты», «Узмах буслінага крыла», «Іду па роднае зямлі», «З трывогай і з надзеяй». Живет в Минске.